

## Государственные проекты индейцев майя во время войны каст на Юкатане: 1847–1901 гг.

Иван Н. Косиченко

*Российский государственный гуманитарный университет,  
Москва, Россия, ivan.kosichenko@gmail.com*

*Аннотация.* Статья посвящена рассмотрению проектов государственного устройства на территориях, занятых восставшими индейцами майя во время Войны каст 1847–1901 гг. Эта война стала крупнейшим этносоциальным конфликтом в Латинской Америке XIX в. и оказала большое влияние на развитие мексиканской государственности и межэтнических отношений. Особое внимание в статье уделяется уникальному синкретическому культу – культу говорящих крестов, который стал основой военно-теократической системы государственных образований повстанцев. Основанный на смеси элементов традиционных верований, христианских обрядов, а также политических и социальных практик индейцев майя доколумбового и колониального периода, этот феномен государственного строительства представляет интерес в качестве примера взаимного проникновения и восприятия религиозных, культурных и политических практик белого и коренного населения в постколониальной Мексике.

*Ключевые слова:* Мексика, война каст, религиозный синкретизм, политическая антропология, военная история, майя

*Для цитирования:* Косиченко И.Н. Государственные проекты индейцев майя во время войны каст на Юкатане: 1847–1901 гг. // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение». 2018. № 2 (12). С. 53–63. DOI: 10.28995/2073-6339-2018-2-53-62

## State projects of the Maya in Caste War of Yucatán (1847–1901)

Ivan N. Kosichenko

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,  
ivan.kosichenko@gmail.com*

*Abstract.* The article reviews of state structure projects on territories, occupied by rebel Maya people during the Caste War of Yucatan. That war was the most eminent ethno-social conflict in Latin America of the 19<sup>th</sup> century and exerted a considerable influence on the development of Mexican state formation and interethnic relations inside the country. The author highlights the unique syncretic cult, that is, the Talking Crosses cult, which became a foundation for the military-theocratic political system of rebels. Based on the mixture of elements of indigenous beliefs, Christian rituals, and political and social practices of Maya people in the pre-Columbian and colonial eras, this phenomenon of state building makes much from an example of the mutual diffusion and perception of religious, cultural and political practices among the white and indigenous population in postcolonial Mexico.

*Keywords:* Mexico, Caste War, religious syncretism, political anthropology, military history, the Maya

*For citation:* Kosichenko IN. State projects of the Maya in Caste War of Yucatán: 1847–1901. *RSUH/ RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations. Area Studies. Oriental Studies" Series*, 2018;2:53-63. DOI:10.28995/2073-6339-2018-2-53-62

### *Введение*

Война каст на полуострове Юкатан, продолжавшаяся с 1847 по 1901 г., стала одним из самых длительных и кровопролитных этносоциальных конфликтов в Латинской Америке XIX в. Война, начавшаяся как крестьянское восстание коренного населения, вылилась в продолжительный конфликт, в ходе которого появился уникальный синкретический культ, ставший основой идеологии восставших и социально-политического устройства на подконтрольных им территориях.

В отечественной историографии специальных исследований данного конфликта нет. В общих работах Война каст оценивается в контексте борьбы коренного населения против этнического и социального угнетения. Однако этот конфликт достоин изучения не только потому, что породил оригинальные проекты политического устройства, но также определил развитие Мексики как федеративного государства.

Изначальными причинами восстания было обезземеливание крестьян, связанное с процессом приватизации земель индейских общин, усиление налогового давления на коренное население и невыполнение правительством штата своих обязательств по отношению к ветеранам многочисленных внутренних и внешних конфликтов, связанных опять же с отменой налогов [1, 2, 3]. Во главе восставших встали члены майяской элиты, кровно заинтересованные в сохранении общинного землевладения, а вместе с тем и своего социального положения.

С самого начала этот этносоциальный конфликт отличался крайней жестокостью. Резня белых и метисов в Тепиче 30 июля 1847 г. спровоцировала жестокость ответных мер против повстанцев [4 р. 15]. В свою очередь, это привело к появлению еще двух факторов, определявших идейные основания борьбы индейцев: месть за массовые убийства мирного населения (впрочем, этим в той войне отличились обе стороны) и борьба за создание автономного государства майя. Надо отметить, что попытки добиться международного признания начались практически сразу. Уже в 1849 г. лидеры восстания обращаются к суперинтенданту Британского Гондураса (современный Белиз) Джону Фанкорту с просьбой о помощи и признании майяской автономии [3 р. 54].

Что касается мотива мести, складывающегося в самом начале конфликта, идея «освободить Юкатан от белых» (физически) красной линией проходит через всю историю восстания. Один из ведущих командиров начального этапа восстания, Хасинто Пат, писал коррехидору Петена (Гватемала) в оправдание жестокости индейцев:

...здесь, на Юкатане, мы страдаем от многочисленных зол и бедствий, что причиняют нам испанцы. Они убивают несчастных индейцев так, как они убивают животных [2 р. 55].

Не выдержав открытого столкновения с правительственными войсками, к 1850 г. повстанцы откатились на слабозаселенные и практически девственные территории юго-восточной части Юка-

тана – на территорию современного штата Кинтана-Роо. К тому же году относится событие, положившее начало формированию на захваченных майя территория автономных политических образований военно-теократического характера.

*Крестом и мачете:  
военно-теократические государства майя*

В конце 1850 г. неким Хосе Мариа Баррера, метисом из селения Пето, дезертировавшим из правительственного гарнизона, был якобы обнаружен возле родника маленький крест, наделенный даром речи. Крест заявил, что он суть святая Троица, ниспосланная на землю Богом для того, чтобы вести и защищать «христианские народы» в их борьбе с белыми [5 р. 294]. Для большего эффекта своей находки Баррера пользовался услугами индейца-чревовещателя по имени Мануэль Науат. Весть о новоявленном чуде разнеслась по окрестным индейским поселениям, вокруг креста начал разрастаться синкретический культ. Центром культа стал основанный его последователями город Чан-Санта-Крус («Маленький Святой крест»), ныне известный как Фелипе Карильо Пуерто.

Надо отметить, что идея обладающих даром речи священных объектов являлась широко распространенной в традиционных верованиях майя, в том числе уже колониальной эпохи. В XVI в. среди индейцев был известен «идол» с острова Косумель, бывший центром притяжения для паломников. Идол представлял собой полую глиняную статую, достаточно большую, чтобы вместить служителя, говорившего от лица божества. Представители испанских церковных властей настаивали на том, что говорящие идола используются «идолопоклонниками» для обмана индейцев. Вскоре после окончательного покорения Юкатана, в 1597 г., до испанцев дошли вести о возродившемся оракуле Косумеля, возникшем в селении Сотута. В доме некоего Андреа Чи по ночам вещал таинственный голос, представляющийся Святым духом. На самом деле вещал подобранный Чи ловкий мальчик, сидевший в темном углу под крышей [6 р. 99]. Таким образом, быстрый рост популярности нового культа среди восставших можно объяснить его близостью к традиционным ритуальным практикам индейцев майя.

Вскоре после основания селения Чан-Санта-Круса мексиканское правительство послало войска для его уничтожения. На рассвете 23 марта 1851 г. правительственные войска внезапно атаковали и разрушили город. Чревовещатель Науат был убит, святилище

предано огню, однако Хосе Баррере удалось бежать. Опасаясь оставаться длительное время в глубоком тылу повстанцев, правительственные войска ретировались, а индейцы вернулись в разоренное селение. Баррера же немедленно воссоздал культ.

Теперь он приобрел еще больше мистических черт: индейцы построили новую церковь, в которой было уже три креста, которые были провозглашены детьми первого. Также кресты начали одевать и украшать ювелирными изделиями, как будто это изображения божеств. Изменилась и технология «вещания»: в помещении, уже куда больше напоминающем католическую церковь, на алтарь были установлены кресты, а за ним в землю была врыта бочка, в которой и находился жрец.

Когда в феврале 1852 г. войска генерала де ла Вега снова вошли в Чан-Санта-Крус, один из офицеров описал почитаемые индейцами объекты следующим образом: «три креста, стоящие в ряд, и одетые в уипиль и фустан», т. е. в традиционное майяское женское одеяние: блузу и юбку [5 р. 295]. Описываются и подношения, приносившиеся идолам в качестве платы за пророчества или наставления: маис, курицы, поросята, воск и деньги [6 р. 101].

С приходом к власти Венансио Пука в 1857 г. иерархия культа была скорректирована. Правитель Чан-Санта-Круса одновременно занимал должность защитника крестов (*tatich*). Помимо него служителями культа были еще 2 человека: *Tata Naz*, исполнявший функции священника, и его сын, бывший голосом крестов [5 р. 297].

*Tata Naz* был ответственен за чтение проповедей, возглавлял ежедневные молитвы, возносившиеся кресту, крестил детей и совершал обряд венчания. Последний был прост: священник окроплял освещенной водой головы жениха и невесты и произносил «венчаю вас во имя Святого Креста» [7 р. 75]. Все молитвы также возносились к имени крестов.

Обращения крестов к пастве занимали отдельное место в жизни Чан-Санта-Круса. Этот ритуал, проходивший в отстроенном в 1860 г. впечатляющем каменном соборе, всегда начинался в полночь, и присутствовать на нем могли только высшие иерархи повстанцев, а также высокие гости, не считая нескольких солдат, которые всегда несли у крестов почетный караул. Прочие солдаты и простые жители ждали божественных распоряжений на площади перед храмом. По описанию Хосе Мария Росадо, который был пленен в форте Бакалар на границе с Белизом и прожил несколько лет в повстанческой столице, ритуал имел много мистических черт. Так, после того как собирались все «офицеры» и «генералы» повстанцев и учитывались отсутствующие, в храме полностью гас

свет. Далее, по его описанию, звучали звуки «приближающейся бури» или «хлопанья крыльев огромной птицы», затем раздавался громкий, отражающийся от стен шепот, который был голосом креста [7 р. 74].

На основе этого синкретического культа сложилась военно-теократическая структура, которую в испаноязычной историографии принято называть термином “cacicazgo”. Культ говорящих крестов был центром всей политической и общественной жизни: кресты Чан-Санта-Крус отдавали приказы верхушке повстанцев и определяли политический курс индейской автономии, назначали размеры податей, определяли судьбу пленных, объявляли вооруженные вылазки на территорию под контролем правительства и определяли нормы общественного поведения [8 р. 323].

Второй осью жизни повстанческих вождей была война, и условиям военного времени была подчинена общественно-политическая иерархия. Лидер общины одновременно являлся верховным иерархом культа, так называемым «министром Крестов». Ему подчинялась «Святая гвардия», подразделение в 150 человек, являвшееся гарнизоном поселения. Дежурные гвардейцы сменялись каждые 15 дней. Также в подчинении верховного иерарха находились так называемые роты (compañías), к одной из которых был обязан принадлежать каждый мужчина старше 16 лет или состоящий в браке. В каждой роте был свой командный состав, начиная с сержантов (cabos) и заканчивая командиром (comandante) [6 р. 105]. Верховный иерарх, стоящий над всеми, обладал практически неограниченными полномочиями.

Еще одним нововведением в управленческих практиках майя, возникшим в 1850-х гг., стало появление «божественных писем». Впервые они были использованы неким Хуаном де ла Крус Пук, который начал писать приказы лидерам других повстанческих поселений от имени крестов. Пук был провозглашен министром крестов, с полномочиями консультироваться на небесах с Богом, и со временем к его пышной титулатуре добавлялись имена «сына господня», «прародителя христиан», «Иисуса Христа» и т. п. [9 р. 497].

Чан-Санта-Крус и его лидеры хотя и являлись всеми признанной ведущей силой индейского восстания, довольно быстро потеряли религиозную монополию. Обнаруживались и другие кресты, находившиеся в центрах повстанческого движения на территории северо-восточного, восточного и южного Юкатана. Каждое мелкое селение имело свою «часовню», в которой также находились кресты. Помимо крестов, устанавливаемых в культовых сооружениях,

повстанцы часто носили свои персональные нательные кресты [5 р. 295].

Главным крестом считался крест Чан-Санта-Круса, ниже его в иерархии «могущества» стояли кресты крупных повстанческих центров, таких как Чанка, Чунпом, Сан Антонио Муиль и Тулум. Последний отличился тем, что во главе культа и общины там стояла женщина, известная как Мария Уикаб, носившая титул святой заступницы [6 р. 106]. Затем шли еще менее могущественные кресты отдельных селений, фамильные кресты, передававшиеся по наследству и, наконец, личные нательные кресты. Как правило, магические свойства начинали приписываться крестам начиная с фамильных. Крестам регионального значения уже приносились подношения. Помимо этого, для охраны почитаемых региональных крестов также создавались подразделения «Святой гвардии», по образу Чан-Санта-Круса [5 р. 295].

Необходимо отметить, что к христианским миссионерам индейцы относились достаточно терпимо, не изгоняли их немедленно и не учиняли над ними насилия. Во всяком случае, сразу. В отчете о допросе сбежавшего из плена Хосе Марии Эчеверрии [10 р. 64] содержится упоминание того, как в Чан-Санта-Крус, где он находился в качестве секретаря Захарии Мая, прибыли два английских священника. Они задержались в городе на 8 дней. Им было предоставлено жилье в одной из пристроек храма и еда. Также они провели две мессы на английском языке. Через 8 дней они были изгнаны из города по приказу тогдашнего командира Кресенсио Пута как личности, «смущающие разум индейцев своими проповедями». Однако они не были ограблены или избиты индейцами.

В дальнейшем терпимость поклонников креста к христианской религии была подтверждена событиями на севере и юге Юкатана, в областях, где повстанцы заключили мир с правительством. Они довольно быстро возвращались в лоно католической церкви, не испытывая при этом каких-либо неудобств и не оказывая сопротивления [5 р. 297]. Английский путешественник Джон Кармайл в своем отчете суперинтенданту Белиза от 1867 г. [11 р. 86] и вовсе утверждает, что религия индейцев ничем не отличается от римско-католической, кроме отсутствия постоянных священников и излишне рьяного почитания святых.

Помимо поклонения говорящим крестам индейцы также совершали некоторые обряды, традиционные для доколумбовой культуры и остающиеся в обиходе до сегодняшнего дня. Одним из важнейших был обряд подношения предкам. Так его описывает уже упоминавшийся Х.М. Росадо [7 р. 75]:

Индейцы сохраняли обряд кормления душ (*janal pixam*). Они клали пищу на могилы своих недавно умерших родственников. Затем они ели, пили и танцевали вокруг могилы.

### *Заключение*

Однако, несмотря на то что поначалу культ говорящих крестов дал восставшим майя новый стимул к продолжению борьбы и сформировал военно-теократическую структуру их автономий, центробежные стремления в практически автономных общинах повстанцев довольно быстро дали о себе знать. К 1880-м гг. крупные рейды на территорию, подконтрольную правительству, прекратились. Ставка на знакомые индейцам социальные и религиозные практики не могла привести к построению единого государственного образования майя, потому что практики эти базировались на опыте автономных крестьянских общин и, глубже, в доиспанские времена – на опыте городов-государств.

Тем не менее эти практики оказались весьма живучи в том виде, в котором они существовали во время Войны каст. Крестьянские общины Федеральной территории и позднее – штата Кинтана Роо и в XX в. продолжали жить замкнутыми сообществами, в которых социальная система сохранялась с эпохи говорящих крестов.

### *Литература*

---

1. Jacinto Pat's Letter on the Origins of Caste War // *Maya wars: ethnographic accounts nineteenth century Yucatan* / Ed. by T. Rugeley. Norman: Univ. of Oklahoma Press, 2001. P. 51–52.
2. Jacinto Pat's Letter to Modesto Méndez // *Maya wars: ethnographic accounts nineteenth century Yucatan* / Ed. by T. Rugeley. Norman: Univ. of Oklahoma Press, 2001. P. 55–56.
3. Cecilio Chi's Letter to John Fancourt // *Maya wars: ethnographic accounts nineteenth century Yucatan* / Ed. by T. Rugeley. Norman: Univ. of Oklahoma Press, 2001. P. 53–54.
4. *Pinto R.B.* La Guerra Social en Yucatán. Mexico: B. Costa-Amic, editor, 1965. 207 p.
5. *Dumond D.E.* The Talking Crosses of Yucatan: A New Look at Their History // *Ethnohistory*. 1985. Vol. 32, № 4. P. 291–308.
6. *Villa Rojas A.* Los Elegidos de Dios. Etnografía de los mayas de Quintana Roo. Mexico: Editorial Libros de México, S.A., 1978. 574 p.

7. The Captivity Narrative of José María Rosado // *Maya wars: ethnographic accounts nineteenth century Yucatan* / Ed. by T. Rugeley. Norman: Univ. of Oklahoma Press, 2001. P. 68–78.
8. Dumond D.E. El machete y la Cruz: la sublevación de campesinos en Yucatán. Mexico: Departamento de publicaciones de IIFL, 2005. 681 p.
9. Reed N.A. Juan de la Cruz, Venancio Puc, and the Speaking Cross // *The Americas*. 1997. Vol. 53. № 4. P. 497–523.
10. The Captivity Narrative of José María Echeverría // *Maya wars: ethnographic accounts nineteenth century Yucatan* / Ed. by T. Rugeley. Norman: Univ. of Oklahoma Press, 2001. P. 62–64.
11. John Carmichael's Visit to Chan Santa Cruz // *Maya wars: ethnographic accounts nineteenth century Yucatan* / Ed. by T. Rugeley. Norman: Univ. of Oklahoma Press, 2001. P. 82–87.

## References

---

1. Jacinto Pat's Letter on the Origins of Caste War. V: Rugeley T., ed. *Maya wars: ethnographic accounts nineteenth century Yucatan*. Norman: University of Oklahoma Press, 2001. p. 51-2.
2. Jacinto Pat's Letter to Modesto Méndez. V: Rugeley T., ed. *Maya wars: ethnographic accounts nineteenth century Yucatan*. Norman: University of Oklahoma Press, 2001. p. 55-56.
3. Cecilio Chi's Letter to John Fancourt. V: Rugeley T., ed. *Maya wars: ethnographic accounts nineteenth century Yucatan*. Norman: University of Oklahoma Press, 2001. p. 53-4.
4. Pinto RB. La Guerra Social en Yucatán. Mexico: B. Costa-Amic, editor Publ.; 1965. 207 p.
5. Dumond DE. The Talking Crosses of Yucatan: A New Look at Their History. *Ethnohistory*. 1985;4:291-308.
6. Villa Rojas A. Los Elegidos de Dios. Etnografía de los mayas de Quintana Roo. Mexico: Editorial Libros de México, S.A. Publ.; 1978. 574 p.
7. The Captivity Narrative of José María Rosado. V: Rugeley T., ed. *Maya wars: ethnographic accounts nineteenth century Yucatan*. Norman: University of Oklahoma Press, 2001. p. 68-78.
8. Dumond DE. El machete y la Cruz: la sublevación de campesinos en Yucatán. Mexico: Departamento de publicaciones de IIFL Publ.; 2005. 681 p.
9. Reed NA. Juan de la Cruz, Venancio Puc, and the Speaking Cross. *The Americas*. 1997;4:497-523.
10. The Captivity Narrative of José María Echeverría. V: Rugeley T., ed. *Maya wars: ethnographic accounts nineteenth century Yucatan*. Norman: University of Oklahoma Press, 2001. p. 62-4.

11. John Carmichael's Visit to Chan Santa Cruz. V: Rugeley T., ed. *Maya wars: ethnographic accounts nineteenth century Yucatan*. Norman: University of Oklahoma Press, 2001. p. 82-7.

### *Информация об авторе*

*Иван Н. Косиченко*, аспирант, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; Россия, г. Москва, 125993, Миусская пл., д. 6; ivan.kosichenko@gmail.com

### *Information about the author*

*Ivan N. Kosichenko*, postgraduate student, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya sq., Moscow, 125993, Russia; ivan.kosichenko@gmail.com